

рии этого языка, зафиксированной в письменных памятниках, имеет явно флективный характер. В японском глаголе а г а р у «подниматься» корень «агар» не является самостоятельным элементом, не может употребляться самостоятельно без окончания «у». Он связан с ним столь же тесно, как в русском языке окончание «о» с корнем «дн» в слове «дно». Агглютинативный характер японского глагола, стало быть, приходится в подавляющем большинстве искать в дописьменной истории японского языка. Далее, например, в современном японском языке имя существительное приобретает явно флективный характер, и уже во многих случаях трудно говорить о корне-основе как самостоятельном элементе; в слове к о т а — так называемом выделительном падеже имени существительного кото «дело» — корень к о т не может употребляться самостоятельно без окончания а, что абсолютно недопустимо при агглютинативной структуре слова. Подобного же рода факты весьма многочисленны в корейском языке как в отношении глагола, так и имени существительного.

О чем это говорит? Это говорит о том, что в языках, причисляемых к агглютинативным, действуют наряду с агглютинативными процессами точно также процессы флективные, причем последние в ряде очень существенных случаев восходят буквально к доисторическим временам.

С другой стороны, во всех так называемых флективных языках мы встречаем структуры, которые никак нельзя объяснить флективным характером этих языков. Так, например, русские имена существительные типа рука, нога, стол, пароход, лес, несмотря на кажущуюся флективность, имеют типично агглютинативную структуру с точки зрения способности корня употребляться самостоятельно, независимо от окончания, в противоположность именам существительным типа дно, окно, поле, сарай и т. п., имеющим типично флективную структуру.

О чем это говорит? Это говорит о том, что в языках, причисляемых к флективным, действуют наряду с флективными процессами, точно так же процессы агглютинативные, причем агглютинативные процессы в ряде случаев восходят к очень древним временам, а в ряде случаев, наоборот, возникают вновь.

Таким образом, первый признак агглютинации не является специфическим свойством так называемых агглютинативных языков; он имеет место как в агглютинативных, так и во флективных языках.

К таким же выводам нас приводит и второй признак агглютинации — совпадение двух основных категорий языка, корня-основы и слова.

Что касается третьего признака агглютинации — отсутствия подлинно формальных элементов, то и здесь нет никаких оснований выделять специально агглютинативные языки. В любом флективном языке действует агглютинативный механизм, что мы наблюдаем в русских глагольных приставках, в русских именных предлогах, в немецких глагольных префиксах, особенно в префиксах под ударением (auf, zu, durch, über), которые к тому же употребляются и как самостоятельные слова.

С другой стороны, в так называемых агглютинативных языках можно привести много случаев употребления формальных элементов флективного характера. Например, в современном японском языке весь *intensivum perfectum* (усиленно совершенный) вид построен на основе флективного элемента: ёндзяу «прочитать», где корень — ён, флексия — дзяу. В корейском языке все отрицательное наклонение строится на основе флективного механизма: *khydiantha* «небольшой», где *khy* корень, *diantha* — флексия отрицания.

О чем это говорит? Это говорит о том, что в языках, причисляемых к агглютинативным, действуют, наряду с агглютинативными процессами, также процессы флективные, и, наоборот, в языках, причисляемых к флек-